

— Я ненавижу его! Не знаю почему, но от этого человека исходит какой-то отвратительный запах. Опасный и противный.

— Ой, а разве в досье Яо Ухуаня была пометка о белых глазах? Белые волосы еще ладно, но глаза-то почему тоже побелели? Какой идиот был настолько безответственен, чтобы так бестолково менять внешность сюжетного персонажа! Белый цвет — это что, круто? Ты что, думаешь, мы тут снимаем подростковую драму про панков?

— Надо доложить начальству, обязательно доложить! Эх, впрочем, какая разница, всё равно никто и слушать не станет. Никто не осмеливается сюда соваться, только я, великий и ужасный, решил открыть этот мир. Хе-хе, можешь меня поблагодарить! Сюда можно попасть только по спецпропуску! Риск оправдывает средства! Очков за прохождение Лу Цзяньняня хватит нам на безбедную старость!

Хотя Система казалась оживленной и веселой, Лу Цзяньнянь остро почувствовал исходящую от нее недоброжелательность. И направлена она была не на него, а на Исполнителя задания.

Система вроде бы выложила всё как на духу, но на деле постоянно уходила от ответов в ключевых моментах. Например, почему никто не осмеливается приходить в этот мир? Почему нужен спецпропуск? Хотя казалось, что Система намекает на сложность задания с Лу Цзяньнянем, но если бы всё было так просто, сказали бы, что никто не хочет сюда идти, а не никто не смеет, не так ли?

Что нужно сделать, чтобы это назвали словом смель? Опасные вещи!

Хотя Лу Цзяньнянь не мог придумать, что именно может угрожать Исполнителям, способным перемещаться между мирами, он был уверен: будь он на месте Исполнителя, он бы ни за что не позволил Системе так водить себя за нос.

Жаль, как бы Лу Цзяньнянь ни анализировал ситуацию в уме, со стороны Исполнителя не последовало никакой реакции — неизвестно, понял ли тот, что попал в ловушку.

Повидав немало связок Систем и Исполнителей, Лу Цзяньнянь пришел к выводу: Исполнитель, находясь внутри игры, может считать Систему лишь инструментом для выполнения задач, но сама Система, обладающая собственным разумом и характером, явно так не думает. С точки зрения Системы, они с Исполнителем — просто коллеги, а то и вовсе начальник и подчиненный, где первый наставляет и контролирует второго. Если этот Исполнитель не справится, всегда можно сменить его на другого, максимум — потеряют немного очков, которые потом легко отобьют с новым подопечным.

Люди бывают добрыми и злыми, Системы — тоже. Очевидно, что нынешняя Система пришла с дурными намерениями.

Еще один момент беспокоил Лу Цзяньняня: то, как Яо Ухуань отторгал отца и сына Ли, было

слишком уж бурной реакцией. С того самого момента, как Яо Ухуань произнес реплику, достойную злобной второстепенной героини, стало ясно, что он даже не пытается скрыть свою неприязнь. Лу Цзяньяннь никак не мог понять, чего тот добивается.

Впрочем, болтливая Система косвенно подтвердила, что Яо Ухуань — вполне реальный человек, и с ним самим всё в порядке.

Прозвенел звонок с урока, и Толстячок Лоу, который ни минуты не мог усидеть на месте, прибежал к ним, по привычке поправляя свой странный темно-зеленый берет. Видимо, чтобы жизнь казалась не такой уж горькой, нужно добавить немного зелени на голову, да?

Едва появившись, Толстячок Лоу тут же спросил в лоб:

— Почему ты белый? Ты похож на моего дедушку.

Яо Ухуань прищурился, глядя на Лоу Дэнсяня с полуулыбкой, и давление вокруг него упало градусов на восемь. Честно говоря, с его необычными глазами, когда он был не в духе, это выглядело пугающе. Другие пугают харизмой, а ему достаточно просто внешности — в нем сочеталась какая-то зловещая смесь красоты и порока.

Лу Цзяньяннь, вынужденный постоянно находиться рядом, острее всех чувствовал этот ледяной холод, исходящий от Яо Ухуаня. Его эмоциональные качели были слишком уж амплитудными.

Не дожидаясь, пока Лу Цзяньяннь ответит, вмешался Учитель Ли — стажер, присматривающий за детьми на перемене:

— Так говорить с другими ребятами невежливо. Ему может стать грустно.

Учитель Ли в целом соответствовал требованиям детского сада Монтессори: всегда улыбчив, говорит тихо, ставит ребенка в центр внимания и стремится направить детей к добру и красоте.

Яо Ухуань опустил голову, скрывая свою пугающую ауру.

Толстячок Лоу, хоть и боялся Яо Ухуаня, искренне не понимал, что сказал не так, и с мольбой посмотрел на Учителя Ли, ожидая объяснений.

— Если я не ошибаюсь, Яо приболел...

Это было генетическое заболевание, похожее на альбинизм, под названием Генетическое расстройство Малкавиан. Но это был не настоящий альбинизм, хотя симптомы схожи. Поскольку проблема в генах, внешность может быть любой, но такие белые волосы и глаза, как у Яо Ухуаня, — большая редкость. Насколько знал Лу Цзяньяннь, это был единственный случай в истории, будто Бог, создавая Яо Ухуаня, забыл добавить красок.

Альбиносы обычно боятся света, но Яо Ухуань солнечных лучей не страшился. Его болезнь была редкой мутацией, не заразной и, скорее всего, не передающейся по наследству.

Никто не мог толком объяснить, что это за странная болезнь. Но казалось, что с самого зарождения мира Генетическое расстройство Малкавиан существовало в каждом его уголке, проявляясь раз в десятилетие.

Все известные пациенты с этим расстройством были крайне эмоционально нестабильны, с пониженным иммунитетом и слабым здоровьем. Проще говоря, как у Яо Ухуаня: если любить — то до безумия, если ненавидеть — то всей душой. Радость, гнев, печаль — всё доведено до предела.

Большинство пациентов с таким диагнозом заканчивали жизнь самоубийством, потому что, попав в спираль негативных эмоций, они уже не могли из нее выбраться.

Именно поэтому Лу Цзяньян старался во всем уступать Яо Ухуаню. Он когда-то читал об этом редком недуге — пациенты, особенно в детстве, просто не умели скрывать чувства: если нравится, то будут показывать это максимально открыто.

— Нельзя отталкивать его только потому, что он не такой, как все, — продолжал Учитель Ли, словно забыв о том, как грубо вел себя Яо Ухуань по отношению к нему и его сыну. Настоящий святой, отвечающий добром на зло.

Яо Ухуань, следуя за его словами, крепче вцепился в край одежды Лу Цзяньяня, выглядя неожиданно хрупким.

— Янь-Янь, я тебе противен? — Яо Ухуань искренне хотел дружить с Лу Цзяньянем. Он рисовал для него на уроках, распевал глупые детские песенки, и в его глазах был только Лу Цзяньян. Это была его чистая правда.

Лу Цзяньян беспомощно взлохматил белые волосы Яо Ухуаня:

— Нет.

Даже если ты Исполнитель, пока ты не пытаешься обманом вытянуть из меня симпатию ради задания, я не буду тебя ненавидеть.

Во время дневного сна Яо Ухуань наотрез отказался отпускать Лу Цзяньяня, вцепившись в него, как осьминог. Лу Цзяньян, задыхаясь от такой хватки, решил не спать, а сел в ногах кровати с книгой.

Не успел Лу Цзяньян в тысячный раз подумать о том, как же плохо жить без смартфона, как Яо Ухуань снова придвинулся к нему, желая вместе читать книгу.

Глядя на эту белую макушку, Лу Цзяньяннь лишь вздохнул.

По идее, Лу Цзяньянню стоило бы насторожиться от такой внезапной и сильной симпатии. Но, видимо, он был слишком доверчив и не хотел вешать ярлыки, пока не увидит явного зла, особенно на такого больного ребенка.

Яо Ухуань протянул ему свое сердце, и Лу Цзяньяннь не хотел его ранить, даже если ему это было не нужно.

Яо Ухуань смотрел на него, не мигая, словно видел перед собой что-то невероятно вкусное, и у него едва слюнки не потекли. Затем, поддавшись первобытному порыву, он навалился на Лу Цзяньянню и, не давая тому сопротивляться, быстро и крепко укусил его. Не до крови, но очень влажно и липко.

А потом, не дожидаясь гневной отповеди, сам же и расплакался:

— Янь-Янь, не злись на меня, я не нарочно. Ты просто такой вкусный, я хотел только лизнуть, правда-правда!

Лу Цзяньяннь:

— ...

Тринадцатый раз прохождения:

Яо Ухуань плакал так искренне, что перепачкался в слезах и соплях, испортив всё свое ангельское личико, да еще и привел в кабинет воспитателя.

Сосед по кровати тоже проснулся, потирая заспанные глаза, надул губы и приготовился вторить плачем.

Лу Цзяньяннь быстро распределил обязанности с воспитателем, успокаивая каждого по очереди, чтобы не допустить скандала. Пока учитель укладывал соседа, Лу Цзяньяннь повел Яо Ухуаня умываться.

Честно говоря, если бы Яо Ухуань был Исполнителем, играющим роль, Лу Цзяньяннь был бы поражен его самоотдачей. Яо Ухуань плакал совсем некрасиво, но именно это почему-то заставило Лу Цзяньянню принять его еще больше. Просто ребенок, который не умеет контролировать эмоции.

— Раз ты не плачешь, я не злюсь. Но в следующий раз не кусайся, хорошо?

— Угу. — В серебристых глазах Яо Ухуаня светилось ожидание. Он посмотрел на Лу Цзяньянню

изо всех сил: — Янь-Янь, ты такой хороший! Ради тебя я буду стараться сдерживаться!

Яо Ухуань наверняка понимал, что с ним что-то не так, но чаще всего просто не хотел себя контролировать. Почему он не может быть вдвое добрее к тем, кого любит, и вдвое злее к тем, кого ненавидит?

— Ты самый лучший! — привычно сказал Лу Цзяньян, как обычно утешают детей.

Яо Ухуань просиял еще сильнее.

Хотя сам Лу Цзяньян терпеть не мог, когда взрослые так с ним разговаривали, он заметил, что на других детей это действует безотказно. Поощрение — штука полезная.

После дневного сна начались упражнения.

Когда дети выстроились в ряд, с конца площадки неожиданно появилась группа незнакомых мужчин в черных костюмах и темных очках — типичные телохранители. Их строгая выправка и четкий шаг резко контрастировали с безмятежным голубым небом. Отряд целенаправленно направился к Яо Ухуаню и Лу Цзяньяню в сопровождении директора и Учителя Ли.

Телохранители семьи Яо такие быстрые, саркастически подумал Лу Цзяньян. Весь день искали пропавшего юного господина, и вот наконец соизволили явиться.

— Юный господин! — обратился к нему главарь с короткой стрижкой.

Лу Цзяньян: ...Что за дичь? На дворе современный мир, а семьи всё еще цепляются за эти титулы! Он уже столько раз высказывал родителям свое недовольство, но не ожидал услышать нечто подобное после перерождения. Seriously, почему люди, годами живущие за границей, ведут себя как последние реликты императорской эпохи?!

Яо Ухуань, держа Лу Цзяньяня за руку, ничуть не испугался напора охранника и ответил на удивление спокойно:

— Я помню тебя. Ты телохранитель, который сопровождает дедушку Сань.

— Это я. Прощу прощения, что напугали вас, господин. Я пришел забрать вас домой, госпожа очень волнуется...

— Не хочу! — не дав ему договорить, отрезал Яо Ухуань. Он даже не посмотрел на охранника, продолжая вертеть в руках пальцы Лу Цзяньяня: — Я хочу остаться с Янь-Янем.

— Но госпожа...

— Не хочу! — упрямылся Яо Ухуань.

— Мама будет грустить, — добавил Учитель Ли, вступая в разговор. Черт возьми, почему он, работающий первый день, так рьяно в это ввязался?

Директор, пожилая женщина в жемчугах, колебалась. Она уже звонила в семью Лу, и там четко дали понять: не стоит отдавать Яо Ухуаня кому попало, даже если это не родители. Если что случится, никто не возьмет на себя ответственность.

Столько людей твердили ему то, чего он не хотел делать, и Яо Ухуань окончательно вышел из себя. Он ненавидел, когда его принуждают — это не зависело от болезни, это был его врожденный властный характер. Впрочем, в таком возрасте даже в гневе он не мог сказать ничего по-настоящему страшного, лишь:

— Если будете еще говорить, я перестану вас любить.

Типичная детская угроза.

Если бы не обстоятельства, Лу Цзяньян рассмеялся бы — Яо Ухуань был таким нелепо-милым, даже когда угрожал.

Но телохранитель почему-то испугался.

В семье Яо все знали, что бывает, если Яо Ухуань перестает тебя любить. Родители баловали единственного сына до такой степени, что это вызвало праведный гнев окружающих, но они считали, что так и должно быть, ведь их ребенок и так настрадался от болезни.

Если телохранитель не хотел быть уволенным, ему следовало бы подчиниться, но он странным образом упорствовал, начиная игнорировать волю Яо Ухуаня.

В этот момент Лу Цзяньян понял: что-то здесь не так.

— Мой дом по соседству с домом Яо, я могу поехать домой вместе с Ухуанем, — предложил Лу Цзяньян. Он не хотел идти на открытый конфликт, ведь рядом только дети, учительница и этот подозрительный тип. Кто знает, на что пойдет охранник, если сорвется? Может, это и правда похищение, как говорил дядя Пятнадцатый.

— Но мама Ухуаня так волнуется... — Учитель Ли продолжал настаивать.

— А почему мама Ухуаня не приехала сама? — парировал Лу Цзяньян, подталкивая Яо Ухуаня ближе к директору, которому хоть немного доверял.

— У госпожи дела, — твердил охранник одно и то же.

— Если Янь-Янь волнуется, пусть он поедет вместе с Ухуанем, — неожиданно предложил Учитель Ли. Директор посмотрела на него с подозрением: что за бред?

— Учитель проводит вас, не бойтесь, — закончил тот.

Директор на мгновение задумалась: а ведь это выход. Мать волнуется, ребенок не отпускает друга, пусть едут вместе, семьи-то соседи. Конечно, для безопасности лучше, если учитель из сада их будет сопровождать.

— Нет! — в один голос воскликнули Лу Цзяньян и Яо Ухуань.

Телохранитель прищурился, его ноздри раздулись от гнева. Он явно больше не собирался терпеть отказы. Учитель Ли занервничал, пытаясь сгладить углы, — он явно не хотел, чтобы охранник раскрыл свое истинное лицо.

Лу Цзяньян ущипнул Яо Ухуаня, надеясь, что тот начнет кричать.

Белобрысый странно посмотрел на него. Даже когда Лу Цзяньян ущипнул его до боли, он не заплакал и не стал капризничать — ведь это сделал Янь-Янь.

Лу Цзяньян закатил глаза и ущипнул сильнее, надеясь, что тот наконец поймет намек.

В конце концов, то ли от боли, то ли Яо Ухуань наконец уловил ход мыслей Лу Цзяньяна, он разразился таким пронзительным воплем, что сцена превратилась в хаос. Директор бросилась его успокаивать.

Лу Цзяньян тянул время, дожидаясь охраны семьи Лу, которая наконец ворвалась на территорию сада.

У Лу Цзяньяна был при себе передатчик сигнала. С самого детства его учили: если что-то не так — нажимай. Семья Лу предпочитала перестраховаться десять тысяч раз, чем потом жалеть об одной ошибке.

Сигнал передатчика поступал на телефоны ближайших охранников семьи Лу.

Сегодня ближе всех оказался охранник, которого дядя Пятнадцатый приставил к саду на всякий случай. Да уж, дядя был весьма дальновидным.

Когда вмешалась охрана Лу, люди Яо наконец притихли. Главарь с короткой стрижкой начал

оправдываться, что это всего лишь недоразумение.

Капитан охраны Лу стоял рядом с Лу Цзяньянем, ожидая указаний — даже маленький ребенок в семье был хозяином.

— Я хочу играть с Ухуанем, — сказал Лу Цзяньянь, имитируя логику ребенка своего возраста.
— Ухуань не любит его, и я тоже.

Капитан кивнул. Он знал характер Лу Цзяньяня: послушный и рассудительный, а если сегодня он проявляет такую властность, значит, есть причина. Его внутренний звонок тревоги зазвенел вовсю. Пока он не свяжется с семьей Яо, он никуда непустит Яо Ухуаня с этими людьми.

В итоге, не дожидаясь конца занятий, Лу Цзяньянь вместе с Яо Ухуанем и охраной отправился в поместье Лу. По дороге он позвонил дяде и помощнику родителей, объяснив ситуацию.

Машины охраны Яо ехали следом, не предпринимая лишних действий — у семьи Лу людей было больше, да и оружие выглядело серьезнее.

Вернувшись в поместье Лу, Лу Цзяньянь наконец выдохнул. Он играл с Яо Ухуанем и младшим братом, пока не вернулись Мама Лу и дядя Пятнадцатый.

Родителей Яо наконец удалось найти.

Теперь было ясно: Яо Ухуань — единственный наследник семьи Яо. Смена управляющих в филиале семьи Яо перед перерождением получила новое объяснение: возможно, Яо Ухуань уже переживал попытку похищения, что нанесло ему серьезную психологическую травму. Для обычного человека это могло быть лишь 5 процентов вреда, но для пациента с расстройством Малкавиан это превращалось в 100.

Когда родители Яо прибыли, всё прояснилось.

Мама Яо даже не знала, что сына отправили не в тот сад, и, получив звонок, едва не лишилась чувств. Когда они приехали, охранники Яо сменили тон, утверждая, что просто заметили неладное и хотели забрать ребенка, а недопонимание вышло из-за вмешательства семьи Лу.

<http://bllate.org/book/21642/2233349>